

самом своем появлении вызывала протест у наиболее консервативных исследователей «русской словесности». Отвечая Н. И. Костомарову и другим авторам, осмелившимся поставить вопрос о «политическом направлении» Иосифа Волоцкого, известный археограф и церковный историк К. И. Невоструев писал: «Иосиф не имел никаких политических взглядов, а как отец и учитель духовный в своих сочинениях раскрывал иногда по учению Библии значение и обязанности царей, давал христианам уроки мудрости, кротости и правосудия, на коих зиждется благосостояние царств».³

Возражения К. И. Невоструева и других представителей «охранительного направления» не имели успеха в русской науке. В работах конца XIX—начала XX в. мы постоянно встречаемся с представлением о тенденциозности древней русской литературы, о ее связи с общественным сознанием. Очень глубоко проведена эта мысль, в частности, в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского. По мнению В. О. Ключевского, «между индивидуальным умом и коллективным сознанием происходит постоянный обмен услуг и влияний. Общественный порядок . . . служит предметом личных убеждений, источником нравственных правил и чувств . . . Зато и личные убеждения, становясь господствующими в обществе, входят в общее сознание . . . Так от общественных отношений отлагаются личные идеи, а идеи перерабатываются в общественные отношения».⁴ Исходя из этих общих положений, В. О. Ключевский считал, например, что литературная полемика между иосифлянами и нестяжателями отражала борьбу между боярами и отшельниками (монахами): «Отшельники выступали соперниками боярства на поприще, где оно надеялось властвовать безраздельно, в привилегированном землевладении, и успешно оспаривали у него самый насущный его интерес, землю с рабочими крестьянскими руками . . . Способные наблюдать и размышлять из бояр с прискорбием видели . . . как крестьяне, посаженные на боярскую землю и обстроенные на боярское серебро, перебежали на более льготную землю богатого монастыря. Поэтому монастырское землевладение подвергается наиболее страстным нападкам».⁵ В сочинениях Пересветова В. О. Ключевский видел «резкий политический памфлет, направленный против бояр в пользу „воинов“, т. е. рядового военно-служилого дворянства, к которому принадлежал сам чебоитчик»;⁶ характеризуя идеологию посланий Ивана Грозного, он говорил, что «по мысли царя Ивана дворянство должно было сменить боярство, как правящий класс, в виде опричнины».⁷

Сходные мысли встречаются и у наиболее выдающихся представителей русской филологии того времени. Хорошо известно, например, замечание А. А. Шахматова о летописце: «. . .рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него . . . — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».⁸

Само собой разумеется, что воззрения такого рода никак не могут быть отождествлены с марксистскими взглядами на общественную идеологию. Зависимость писателей от «мирских интересов» воспринималась в русской

³ Отчет о двенадцатом присуждении наград гр. Уварова 25 сентября 1869. СПб., 1870, стр. 88.

⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 35.

⁵ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пб., 1919, стр. 272—273.

⁶ В. О. Ключевский. Сочинения, т. II. М., 1957, стр. 182.

⁷ Там же, стр. 183.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. XVI.